

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ 'РУКИ' В АРАБСКОЙ И РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОМАТИЧЕСКОГО КОДА

CONCEPTUALIZATION OF THE 'HAND' IN ARABIC AND RUSSIAN PAREMIOLOGY: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE SOMATIC CODE

G. Kholodniak

Summary: The article is devoted to a comparative analysis of the conceptualization of the somatic code of the "hand" in Arabic and Russian paremiological systems. Based on the comparative study of paremias with the "hand" component, significant differences in value connotations and cultural meanings fixed in linguistic worldviews are revealed. The methods of linguistic and cultural and cognitive analysis are used in the work, which make it possible to reveal the ethnocultural specifics of bodily metaphors in the paremiological fund of two languages. The results of the study demonstrate how similar somatic images can encode fundamentally different cultural attitudes and value orientations.

Keywords: comparative paremiology, somatic code, the concept of "hands", Arabic proverbs, Russian proverbs, linguoculturology.

Холодняк Галина Владимировна

соискатель, преподаватель,

Кубанский государственный университет

kirilina-white-rose@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу концептуализации соматического кода 'руки' в арабской и русской паремиологических системах. На материале сопоставительного исследования паремий с компонентом 'рука' выявляются существенные различия в ценностных коннотациях и культурных смыслах, закрепленных в языковых картинах мира. В работе применяются методы лингвокультурологического и когнитивного анализа, позволяющие раскрыть этнокультурную специфику телесных метафор в паремиологическом фонде двух языков. Результаты исследования демонстрируют, как сходные соматические образы могут кодировать принципиально различные культурные установки и ценностные ориентиры.

Ключевые слова: сравнительная паремиология, соматический код, концепт 'руки', арабские пословицы, русские пословицы, лингвокультурология.

Несмотря на универсальный характер паремиологического фонда разных лингвокультур, национальная специфика языковой картины мира проявляется в особенностях концептуализации телесного кода. Как отмечает В.Н. Телия (1996), соматизмы в паремиях выступают важным маркером культурно обусловленных способов категоризации действительности [9].

В арабской лингвокультуре лексема "بَدْ" (рука) образует разветвлённое семантическое поле, отражающее этнокультурные стереотипы восприятия человеческих качеств.

В арабской лингвокультуре паремия "إِيْدَهُ خَفِيفَةٌ" (букв. "у него легкая рука") демонстрирует яркий пример негативной коннотации, связанной с концептом ловкости. Данное выражение актуализирует семантику скрытого присвоения, описывая субъекта, способного к карманной краже благодаря умению оставаться незамеченным. В арабском дискурсе это выражение несет исключительно предостерегающую функцию, маркируя социально порицаемое поведение.

В отличие от арабской традиции, русский эквивалент "У него легкая рука" реализует принципиально иную концептуальную схему. Согласно данным Фразеологического словаря русского языка под ред. Мокиенко (2003), данный оборот кодирует позитивную оценку природного дара, который проявляется в способности способствовать росту и процветанию, прежде всего в сфере садоводства и сельского хозяйства [7].

В арабском языке есть пословица "بَدْ حَضْرَاءٌ" (у него зеленая рука), которая имеет подобное значение. Общество может назвать местного фермера, собирающего большой урожай, обладателем "зеленой руки," указывая на то, что все, что он посадит, хорошо растет.

Выражение "إِيْدَهُ تَقْلِيلَةٌ" ("тяжёлая рука"), кодирующее концепт физической мощи, отражает не только идеал маскулинной силы, но и потенциальную опасность физического воздействия, тем самым презентируя социальную иерархию, основанную на телесном превосходстве.

Анализ паремии "إِيْدَهُ مَبْخُوشَةٌ" (досл. "у него дыря-

вая рука") демонстрирует, как в арабской лингвокультуре реализуется концепт финансовой несостоенности через метафору утраты ресурсов, что не только несёт негативную оценку экономического поведения, но и создаёт противопоставление исламским принципам разумного расходования.

Как отмечает Куделин А.Б. (2019), Коран, будучи сакральным текстом ислама, оказал фундаментальное влияние на формирование арабской паремиологии, став не только религиозным, но и лингвокультурным источником устойчивых выражений [6].

Фразеологизм "ابدہ بیضا" ("чистая рука"), актуализирующий концепт альтруизма, объединяет в себе хроматический символизм, где белый цвет выступает маркером чистоты, с этикой скрытой благотворительности, что находит своё отражение в исламских ценностях бескорыстной помощи, зафиксированных в Коране (Ар-Рум 21) [8].

В арабской лингвокультуре паремия "إیدي علی قلب" (букв. "моя рука на сердце"), представляя собой сложный семиотический комплекс, интегрирует вербальные и невербальные средства эмоциональной экспрессии, что позволяет рассматривать его как маркер культурно-специфических способов концептуализации тревожных состояний. Сопоставительный анализ с русским эквивалентом "сердце не на месте" выявляет принципиальные различия в способах презентации эмоционального переживания: если арабский вариант акцентирует активное телесное взаимодействие через жест приложения руки к сердцу, что отражает культурную модель внешнего проявления эмоций, то русское выражение, напротив, кодирует эмоциональное состояние через пространственную метафору дислокации, подчеркивая внутренний характер переживания и его оторванность от нормативного положения.

В арабской лингвокультурной традиции паремиологическая единица "بیشتعل من قفا ابیده" (букв. "он работает тыльной стороной руки") представляет собой сложный семиотический конструкт, который отражает глубинные механизмы концептуализации качества трудовой деятельности. В данном контексте тыльная сторона руки, обладающая пониженней тактильной чувствительностью и ограниченной способностью к точным манипуляциям, метафорически репрезентирует сниженное качество выполняемой работы.

Проведенный сопоставительный анализ с русским фразеологическим аналогом "работать спустя рукава" позволяет выявить как универсальные, так и культурно-специфические особенности концептуализации трудовой деятельности. Несмотря на общность базовой мета-

форической модели, связывающей телесную инертность с низким качеством работы, рассматриваемые паремии демонстрируют существенные различия в выборе соматического кода. Арабский вариант акцентирует анатомические характеристики самой кисти (тыльная поверхность), в то время как русский вариант обращается к элементу одежды (рукава).

Паремия "الايد الافتية مأشحة" (букв. "пустые руки грязны") отражает систему ценностных ориентаций, демонстрирующих гостеприимство. Данное выражение реализует многоуровневую систему социокультурных смыслов, где происходит концептуализация пустых рук как маркера социальной неполноценности, устанавливающая прямую корреляцию между материальным наполнением и моральной чистотой, что находит свое отражение в традиционных представлениях о чести и достоинстве [4].

Несмотря на сходство с русской традицией ("не приходи с пустыми руками"), арабский вариант отличается более выраженной морализацией через метафору "грязи", что отражает специфику арабской культуры гостеприимства и подчеркивает сакральный характер обменных практик [5].

Паремия "يلی ایده بالنار مو مثل یلی ایده بالمی" (букв. "тот, чья рука в огне, не таков, как тот, чья рука в воде") отражает фундаментальные антропологические представления о природе человеческого опыта, где бинарная оппозиция "огонь/вода" кодирует экзистенциальное различие между состояниями страдания и комфорта, создавая онтологическую асимметрию субъективного переживания, в то время как соматический компонент "рука" выступает медиатором между внутренним состоянием и внешним миром, выполняя инструментальную функцию эмпирического познания действительности [10].

В русском языке есть эквивалентное выражение "Сытый голодного не разумеет". Рассматриваемые паремии демонстрируют существенные различия в способах концептуализации: если арабская версия использует тактильно-температурные параметры и динамическую визуализацию, создавая эффект непосредственного физического переживания, то русский вариант акцентирует физиологический контраст через статическую оппозицию, отражая иные культурные модели восприятия чужого опыта.

В арабской лингвокультурной традиции паремиологическая единица "بنتفل ایدك بالذهب" (букв. "твои руки весят золотом") отражает традиционные представления о ценности профессионального мастерства. Соматический компонент "рука" вступает в сложное взаимодействие с хроматическим кодом "золота", формируя

уникальную модель оценки профессионального мастерства.

Сравнительный анализ с русским эквивалентом "золотые руки" выявляет как общие культурные универсалии, так и специфические различия в концептуализации профессионального мастерства. Если русский вариант акцентирует прежде всего хроматический аспект (золотой цвет как символ совершенства), то арабский вариант делает акцент на физическом параметре веса, что отражает традиционную для арабской культуры тенденцию к материализации абстрактных понятий. Кроме того, арабское выражение содержит более явную отсылку к экономической ценности мастерства, что согласуется с традиционной исламской этикой, подчеркивающей материальное вознаграждение за качественный труд.

В арабской языковой картине мира фразеологизм "غسلت ايدي منه" (букв. "я отмыл руки от него") демонстрирует культурно-обусловленные механизмы реляционного дистанцирования, где акт очищения рук метафорически репрезентирует процесс символического разрыва социальных связей, основанный на концептуализации ответственности как материального загрязнения, сакрализации воды как средства ритуального очищения и антропоморфизацией межличностных отношений, что, по данным исследований Аль-Джабр (2021), формирует многоуровневую систему социально-этических представлений [2].

На этико-правовом уровне данный фразеологизм отражает глубинные механизмы социального регулирования поведения, в то время как сравнительный анализ с русским эквивалентом "умывать руки" выявляет существенные культурные различия в концептуализации отказа от ответственности: если арабский вариант акцентирует процессуальность очищения через глагол "غسل" с семантикой интенсивного действия и завершенность акта, выраженную перфектной глагольной формой, то русский фразеологизм, напротив, делает акцент на моментальности действия (имперфективный вид), ритуальном аспекте (отсылка к библейскому сюжету) и этической нейтральности.

В арабской лингвокультурной традиции паремиологическая единица "ايده اليمين بكل شيء" (букв. "его правая рука во всем") отражает традиционные представления о социальной иерархии и функциональной специализации в межличностных отношениях.

Русский вариант "правая рука" акцентирует прежде всего аспект доверия и близости. Арабская паремия делает акцент на функциональной универсальности и всеохватности, что отражает традиционную для арабской культуры тенденцию к целостному восприятию социальных связей.

Арабское выражение "أيديي مر بطيئن" (букв. "мои руки связаны") выражает идею насильтенного ограничения, утрату контроля над ситуацией и вынужденную пассивность.

Как в арабском, так и в русском языке паремия "руки связаны" делает акцент на физическом принуждении, выстраивая оппозицию "свобода-подчинение".

Паремиологическая единица "بشد على ايديك" (букв. "я тяну тебя за руку") отражает культурно-обусловленные модели концептуализации социальной солидарности, где кинестетический компонент "тянуть" актуализирует концепт направленного воздействия, выражая идею совместного преодоления препятствий через динамику прогрессивного движения, в то время как соматический элемент "рука" выполняет медиативную функцию, устанавливая связь между субъектами, и одновременно выступает как инструмент воздействия, неся символическую нагрузку жеста доверия, что в совокупности с грамматическими особенностями конструкции формирует целостную модель концептуализации взаимопомощи в арабской языковой картине мира [3].

Русский эквивалент "подать руку помощи" выявляет существенные различия в способах концептуализации поддержки: если арабский вариант делает акцент на активном воздействии через глагол "тянуть", реализуя динамическую модель взаимодействия с ориентацией на конкретный результат, то русский вариант, напротив, предлагает статичную модель предложения помощи, акцентируя доступность поддержки и ее потенциальный характер, что отражает различия в культурных моделях социального взаимодействия.

Как справедливо отмечает Али-заде Э.М. (2021), изучение зооморфной фразеологии позволяет реконструировать архаичные пласты национального сознания [1]. Полученные нами данные подтверждают этот тезис, демонстрируя, что арабская паремия "عصفون بالايد أحسن من عشرة على الشجرة" (букв. "птица в руке лучше десяти на дереве") показывает культурно-обусловленные механизмы оценки надежности и потенциальной выгоды.

Проведя сопоставительный анализ с русским эквивалентом "Лучше синица в руках, чем журавль в небе", мы видим существенные культурные различия в способах концептуализации ценности. Арабский вариант делает акцент на конкретном количественном соотношении (один против десяти), используя нейтральный зооним "птица" и ориентируясь на горизонтальную пространственную модель (дерево). Русский вариант, напротив, предлагает качественное противопоставление видов птиц (синица/журавль), реализует вертикальную пространственную модель (небо) и содержит эмоциональ-

ную оценку через уменьшительную форму, что отражает различия в культурных моделях восприятия надежности и потенциальной выгоды.

Паремия "يَدٌ وَاحِدَةٌ لَا تُصْفِقُ" (букв. "одна рука не хлопает") демонстрирует фундаментальные принципы социального взаимодействия, где соматический компонент "рука" актуализирует антропоцентрическую модель коллективной деятельности, выполняя тройную функцию: как инструмент индивидуального участия, телесная метафора социальной активности и индикатор минимальной единицы совместного действия.

Сравнивая с русским эквивалентом "Один в поле не воин" мы наблюдаем существенные культурные различия: если арабский вариант, сохраняя нейтральную

констатацию факта и ориентацию на повседневные практики, акцентирует физическую невозможность одиночного действия через акустический эффект, то русская паремия, используя военную метафору и героический контекст, дает эмоциональную оценку индивидуальных усилий, что отражает различие культурных моделей социализации.

Проведенный анализ паремиологических единиц с соматическим компонентом "рука" в арабской и русской лингвокультурах выявил существенные различия в способах концептуализации человеческих качеств. Данное исследование подтверждает, что соматические коды в паремиях служат важным источником для реконструкции ценностных ориентаций и социальных норм, закрепленных в языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Али-заде Э.М. Лингвокультурологические особенности арабских фразеологизмов с компонентом-зоонимом // Вопросы филологии. – 2021. – № 3 (78). – С. 45–52.
2. Аль-Джабр М.К. Социокультурные аспекты арабской фразеологии. – Бейрут: Дар ан-Нахада, 2021. – 342 с.
3. Аль-Сахли М.Т. Энциклопедия арабских паремий. – Бейрут: Дар аль-Кутуб аль-Ильмия, 2022. – 480 с.
4. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
5. Грюнебаум Г.Э. фон Классический ислам: Очерк культурной истории / пер. с англ. И.М. Фильшинского. – М.: Наука, 2003. – 247 с.
6. Куделин А.Б. Коран как источник арабской паремиологии // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. – 2019. – № 2. – с. 67–81.
7. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. (ред.) Фразеологический словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2003.
8. Священный Коран / пер. и comment. И.Ю. Крачковского. – М.: Восточная литература, 1990.
9. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
10. Черниенко Д.А. Арабская паремиология: лингвокультурный аспект. – М.: Наука, 2020. – 214 с.

© Холодняк Галина Владимировна (kirilina-white-rose@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»